

Я еще поднимаюсь по ступеням, а чувство это уже возникает в низу живота, я дрожу от страха и предвкушения высшего наслаждения.

Швейцар вносит футляр с виолончелью в студию и ставит у окна. Я прошу его вернуться через час, чтобы снести виолончель вниз. Студия пуста, более чем пуста: без него это не студия – пустыня. Я пересекаю ее, мои шаги звонко отдаются от дубовых половиц, сажусь у окна, жду.

Вторая половина дня. Солнечный свет без труда пробивает занавески из тонкого муслина. Снаружи доносится шелест листвы: дует легкий ветерок. Я смотрю на дома на противоположной стороне улицы. Балконы с высаженными на них цветами: лилиями, мимозой, розами. Белая штукатурка, освещенная солнцем, слепит глаза.

Открывается дверь студии, но я поворачиваюсь не сразу, до последнего оттягиваю тот момент, когда я взгляну в твое лицо. Когда же поворачиваюсь, вижу, что смотреть особенно не на что. Я знаю, каким видят тебя остальные, но перед моим мысленным взором ты совсем другой. Волосы каштановые, длинное, серьезное лицо, красивые глаза, прячущиеся за очками в золотой оправе.

Но сводит меня с ума твой рот, сводит с ума и снится по ночам. Широкий, удивительно красивый рот. У учителя музыки не должно быть такого рта. Рот выдает тебя с головой. Неужели остальные этого не замечают? Я – то поняла все с первого взгляда.

Ты улыбаешься и приветствуешь меня – общие, ничего не значащие слова. Я подхожу к другому окну, открываю футляр. Ничего необычного в этом нет. Если кто и наблюдает за нами, у него не может возникнуть и тени подозрений. Но я – то знаю, что к чему.

Сегодня мы собираемся играть вместе, дуэт Пуччини. Я усаживаюсь на стул. Одна рука на струнах, вторая держит смычок. Ты сидишь напротив, жадно ловишь каждый мой вздох, но сдерживаешь желание прикоснуться ко мне. Я вижу тебя насквозь. И предвкушаю то, что последует за твоими взглядами.

Три раза ты стучаешь по струнам смычком. Эхо отдается в моих ушах. Мы начинаем. Музыка наполняет студию. Какая в ней прекрасная акустика.

Дыхание у меня учащается, корсет становится тесным. Наверное, я затянула его сильнее, чем обычно. Тебе нравится моя тонкая талия. Ты ведь думаешь сейчас об этом? Тебе хочется охватить ее своими руками с такими длинными, артистическими пальцами? Или тебя заворожили верхние полукружья моих грудей, вздымающиеся над кружевом сорочки?

Мы играем, и я чувствую, как трепещет мое тело.

Я закрываю глаза и растворяюсь в музыке. Она такая живая, такая чувственная. Мы выдерживаем паузу, обмениваемся улыбками, конспираторы, и начинаем играть вновь. На этот раз Верди. Я напряжена, мне хочется, чтобы моя виолончель играла в унисон с твоей. Но это

не единственная причина напряжения.

Теперь я должна играть одна, и тут начинается то, чего я так долго ждала.

Я не решаюсь смотреть на тебя, когда ты откладываешь смычок в сторону, приставляешь виолончель к стулу. Ничего не говорю, слова могут все испортить. Музыка влечет тебя ко мне, и вот ты уже стоишь у меня за спиной. Ты еще не прикоснулся ко мне, а я тебя уже чувствую. Дуновение воздуха, может твое дыхание, с едва уловимым запахом табака, холодит мою шею.

Наконец, прикосновение, палец скользит по коже, чуть пониже линии волос. Я продолжаю играть, не сбиваясь с ритма, не показываю, что заметила тебя. Ты касаешься меня снова, накручиваешь русую кудряшку на свой палец.

- Ты очень хорошо играешь, - шепчешь ты. Я киваю. Мне нравится твоя похвала.

Еще прикосновение. На этот раз твои губы исследуют мою шею, замирают у позвонка, который выпирает достаточно сильно, если я наклоняю голову. Когда позвонка касается твой горячий язык, по моему телу пробегает дрожь.

Твои волосы пахнут сеном, они скользят по моему обнаженному плечу и я чувствую, какие они шелковистые. Ты издаешь едва слышный вздох, когда твои губы целуют мое плечо. Его заглушает музыка, но я слышу, слышу.

Твои пальцы уже на пуговицах, расстегивают их одну за другой. Я задерживаю дыхание, когда ты освобождаешь меня от тесного лифа. Сегодня я отдала предпочтение красновато - коричневому бархату. Я знаю, что ты любишь этот цвет. И он так хорошо гармонирует с моей молочной кожей и янтарными глазами.

Твой шепот громом отдается в моих ушах. О, ты нарушаешь правила! Во время урока ты только комментируешь мою технику, поправляешь меня, но я тебя прощаю. Я знаю, что сегодня урок особенный.

Я продолжаю играть, хотя твоя рука уже добралась до моей груди. Я вся дрожу. Смычок скрипит. Его надо натереть канифолью, но сейчас меня занимает другое.

Отец ждет меня в карете, стоящей у дома. Я - его гордость, его сокровище. Склонив голову, он слушает, как я играю. Если музыка смолкнет, он медленно поднимется по лестнице, чтобы узнать почему мы тратим впустую заплаченные им деньги.

Сегодня я преисполнена смелости и поворачиваюсь к тебе. Я вижу, что ты удивлен. Ты думаешь, что я невинный ребенок, что я ничего не понимаю, но я быстро учусь - примерная ученица. Возможно, ты этого не одобряешь, но и не разочаровываешь меня. Наши губы встречаются. Какой нежный у тебя ро

т... рот, который не должен принадлежать учителю музыки. От тебя пахнет бренди и сигарами... и чем – то еще, неуловимым. Наверное, запахом молодого мужчины. Ты – симфония. Это слишком банальное сравнение? Разумеется, я не придумала ничего оригинального. И пусть.

Твои пальцы скользят под сорочку, охватывают мою грудь. Ах, это наказание за мою распутность. Я ахаю, рука сбивается с ритма, виолончель жалуется, но не держит на меня обиды.

Мои губы открываются, и я наслаждаюсь мягкостью твоего языка. Он такой нежный, мне хочется укусить его, пососать, но я подавляю это желание, когда твоя вторая рука обнимает меня за талию. Я прислоняюсь к тебе спиной, чувствуя твою силу. Бедра мои непроизвольно раздвигаются, а твои пальцы ласкают и пощипывают мою грудь. Наслаждение растекается по коже, словно приятная мелодия.

– Сегодня ты у меня кончишь, – шепчет он.

Я чуть не теряю сознания от шока. Ты никогда не позволял себе таких вольностей, вот и застал меня врасплох. Руки на талии больше нет, вторая уже не лежит на моей груди. Я чувствую себя одинокой, но ненадолго. Ты возвращаешься, подняв мои юбки и найдя мое бедро под батистовыми панталонами. Теперь ты одновременно касаешься моей кожи в двух местах. Моя грудь словно наливается, приветствуя новую встречу с твоей ладонью. А вторая твоя рука ласкает мое бедро, медленно продвигаясь вверх по шелковистой коже, пока не находит маленькую раскаленную печку. Я замираю, на мгновение меня охватывает страх. Не следует мне этого допускать, но грядущее неизбежно. Стало неизбежным с того самого момента, как ты отложил смычок, а я как ни в чем ни бывало продолжала играть.

– О, – выдыхаю я, когда ты начинаешь поглаживать меня... там.

Такой тихий звук, но он гулким эхом отдается во мне и сливается с музыкой. Полюбила бы я тебя, если бы ты не играл на виолончели? Скорее всего, нет.

– О, – вновь тот же звук, потому что твои пальцы описывают восхитительные круги, нажимают и разглаживают, кружат между раскрытых губ, лаская маленькую пипочку, которая горит, пульсирует.

Теперь я с головой ушла в твой поцелуй и играю автоматически, моя рука двигается сама по себе, заученными движениями. Этот автоматизм привил мне мой первый учитель. Не ты.

– Потрогай его, моя маленькая Клара, – шепчешь ты, с мягким, европейским акцентом. Мне нравится, как ты произносишь мое имя.

Но разве я могу убрать руку со струн... попасть в полную зависимость от тебя? Ты почувствуешь себя всемогущим. И к чему это приведет? Нет, остановиться я не могу. И я

продолжаю играть, а ты гладишь меня, твои длинные, прекрасные музыкальные пальцы выводят только им ведомую мелодию на моем самом интимном местечке.

Кажется, все мое существо замерло в ожидании. Ожидании чего? Я растворилась в магии этого мгновения. Солнце освещает золотом дубовый пол, я ощущаю запах лавандового полировочного воска и канифоли, от футляра для виолончели, стоящего у окна, пахнет нагретой кожей, твое дыхание опаляет меня.

Я едва подавляю вскрик. Какие острые ощущения вызывают во мне прикосновения твоих пальцев. Теперь тыходишь в меня в двух местах, языком и пальцами. Я не могу шевельнуть нижней половиной тела: мешает виолончель. Зато я даю тебе полную свободу действий. И ты действуешь. Наслаждение нарастает и нарастает.

Произведение, которое я играю, близко к завершению. Я должна достигнуть пика до того, как последний раз пройду смычком по струнам. Мне это удастся? Ты так хорошо подготовил меня, и мне не хочется тебя подвести. О, мои щеки пылают от стыда и возбуждения, я чувствую, как ты слизываешь капельки пота с моей верхней губы. У тебя такой горячий, такой требовательный язык.

Господи, я превратилась в туго натянутую струну. Но я уже на грани... на грани.

- Да, КлаРа, мой ангел, давай, - шепчешь ты мне на ухо.

И оргазм сотрясает меня, растекается по всему телу. Ты целуешь меня в губы, чтобы заглушить мои стоны, похоронить их в своем горле.

И я отдаю их тебе, мой музыкальный господин. Потому что не могу дать ничего другого.

Твои пальцы поправляют мой лиф, застегивают его на все пуговицы. Занимая свое место, ты улыбаешься. Твои глаза, за поблескивающими стеклами очков, сияют гордостью. Я оказалась прилежной ученицей. Ты берешь смычок, постукиваешь по пюпитру. Дерево по дереву, стук этот - эхо моего пульса. Присоединяешься ко мне в дуэте.

Последние аккорды мы берем вместе, а потом в студии воцаряется тишина.

Внизу, в карете, папа удовлетворенно кивает. Его деньги потрачены не зря, я играла весь урок, не теряя времени на разговоры. И играю я все лучше. Он говорит, что скоро я смогу заниматься с новым учителем.

Но пока буду приходить в эту студию раз в неделю.

Я встаю, поправляю юбки, укладываю мою любимую виолончель в футляр. Швейцар стоит в дверях, ждет. Берет футляр, и я следую за ним на лестницу.

- Хорошо сыграно, Клара, - долетает до меня голос учителя. - Ты уже много умеешь.

Я не оглядываюсь. Внизу в нетерпении ждет отец.

<http://erolate.com/book/3953/109294>